

А. В. СОЛОВЬЕВ

**Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и
преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича,
царя русьскаго»**

«Слово о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго» является одним из интереснейших памятников ранней московской литературы. Как и «Задонщина», оно написано «в похвалу» Дмитрию Донскому, прославляет победу на Куликовом поле и всю деятельность великаго князя; оно отличается той же высокой патриотической настроенностью, также проникнуто идеей единства Русской земли под главенством Москвы. Кроме того, оно отличается большими литературными достоинствами.¹ Как справедливо говорит Н. К. Гудзий, «оно риторично, но его риторика высокого качества: она свидетельствует о большом литературном опыте автора, об его умении пользоваться подходящими словесными средствами для создания торжественно-воодушевленного похвального жития, совмещающего в себе и высокую публицистическую дидактику, и элементы стиля воинской повести, и прекрасный по силе своего лирического пафоса плач-причитание княгини над умершим князем, представляющий собой удачное сочетание народно-поэтических и книжных образных выражений».² Автор этого «Слова» чрезвычайно начитан в древнерусской и византийской литературе; по таланту и образованности его можно поставить рядом с Епифанием Премудрым. Однако вопрос об этом авторе, как и вопрос о времени написания «Слова», остается неразрешенным. Попробуем его рассмотреть.

Время составления «Слова»

Долгое время «Слово о житии и преставлении» не обращало на себя особого внимания исследователей. Лишь в 1947 г. В. П. Адрианова-Перетц посвятила ему большую статью, в которой внимательно исследовала стиль, источники и позднейшие отзвуки этого «Слова» и попыталась определить приблизительную дату его написания.³

В. П. Адрианова-Перетц упоминает о том, что А. А. Шахматов считал автора «Слова» не только современником Дмитрия Донского, но и лицом, присутствовавшим при погребении (следовательно, «Слово» могло быть

¹ «Надобно заметить, что это похвальное слово есть самое блестящее литературное произведение, какое только дшло до нас от описываемого времени», — говорит С. М. Соловьев (История России с древнейших времен, т. IV. М., 1854, стр. 371).

² Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, изд. 6. М., 1956, стр. 235.

³ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго. — ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 73—96.

написано в 1389 г. или несколько позже).⁴ Против этой датировки В. П. Адрианова-Перетц приводит целый ряд возражений, говоря, что «в описании погребения нет ничего столь яркого, что бы не могло быть написано и много лет спустя после 1389 года. А литературные приемы автора говорят именно не о 1390-х, а уже о XV веке».⁵

Оснований для такой поздней датировки в статье автора три: 1) отмеченное ею сходство целой группы приемов автора «Слова о житии» с панегирическим стилем Епифания Премудрого. В. П. Адрианова-Перетц ставит даже вопрос: «не сам ли Епифаний сложил „Слово о житии“, повторив в нем некоторые из своих приемов?». Но этому «противоречит прежде всего то, что Епифаний обычно надписывал своим именем все написанное им». Следовательно, «Слово» написано подражателем Епифания, и его «придется датировать уже не 1390-ми годами, а временем не раньше 1417—1418 г., когда было написано Житие Сергия Радонежского. Если же учесть, что в „Слове о житии“ есть отголоски и слова похвального Сергию, притом не только несомненно принадлежащего Епифанию, но и так называемого „Слова неизвестного сочинителя“, то придется отодвинуть „Слово о житии“ еще несколько дальше»; 2) «с такой датировкой согласуется и тот факт, что автор „Слова о житии“ был знаком с переводом Дионисия Ареопажита, переданным на Русь, видимо, уже в XV веке»; 3) «с другой стороны, не безразличной может быть для датировки „Слова о житии“ политическая тенденция прощальной речи Дмитрия Донского к сыновьям и боярам. Он говорит боярам, восхваляя их: «Вы же не нарекоетесь у меня бояре, но князи земли моеия», а сыновьям завещает: «бояре своя любите, без воли их ничто же творите». В. П. Адрианова-Перетц пишет по этому поводу: «Это подчеркивание уважительного отношения к боярам-князьям является, может быть, отголоском обострившейся борьбы объединительных тенденций московских великих князей с притязаниями старой феодальной знати. Такая борьба усилилась в 1432 г. и закончилась в 1453 г., причем шла она с переменным успехом: то брал верх московский великий князь, то одолевали его противники». В. П. Адрианова-Перетц считает, что в эти слова Дмитрия «вложена защита старых феодальных прав», авторитетом Дмитрия «прикрывается здесь защита старого порядка. Такую тенденцию проводить, хотя и осторожно, в литературе можно было только до 1453 г., т. е. до окончательной победы великого князя московского. Не эта ли скрытая политическая тенденция и заставила автора тщательно скрыть свое имя?»⁶

С этой датировкой согласился и Н. К. Гудзий. В шестом издании своего курса он пишет о «Слове о житии»: «Оно создано было, по-видимому, через несколько десятилетий после смерти Дмитрия Донского (ум. в 1389 г.). Для него характерен тот повышенно-витиеватый стиль, который стал у нас входить в моду с конца XIV в. и особенно обнаружился в житийных произведениях Епифания Премудрого, возможно оказавших влияние на „Слово о житии“».⁷ Все же по осторожным оговоркам «по-видимому» и «возможно» видно, что Н. К. Гудзий не вполне уверен в этой датировке, а в своей хрестоматии он говорит иначе: «Повесть создалась, видимо, вскоре же после смерти Дмитрия Донского

⁴ А. А. Шахматов. Отчет о 12-м присуждении премий митрополита Макария в 1907 году. СПб., 1910, стр. 119. — С. К. Шамбинаго в статье о повестях о Мамаевом побоище (История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 208) датирует «Слово о житии» 1390-ми годами.

⁵ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии..., стр. 91.

⁶ Там же, стр. 91—92.

⁷ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, стр. 231—232.

(ум. в 1389 г.). Во всяком случае она уже вошла в Новгородский свод 1448 г.»⁸

Мы полагаем, что датировка, отодвигающая время составления «Слова» чуть ли не к половине XV в., весьма сомнительна и требует проверки. Начнем с третьего довода.

Можно ли считать, что любезные слова Дмитрия Донского, обращенные к его боярам, являются отголоском притязаний старой феодальной знати в междоусобной борьбе 1432—1453 гг.? По своей форме эта междоусобица была последней борьбой в пределах княжеского рода, в данном случае московской великокняжеской семьи, борьбой между дядей и племянником (затем между двоюродными братьями) за великокняжеский престол. По старым нормам княжого права Киевской Руси престол должен был переходить к старшему в роде, в частности к дяде предпочтительно перед племянником; поэтому Юрий Дмитриевич оспаривал престол у своего племянника Василия II Васильевича. Но уже в Киевской Руси можно видеть, как римско-византийское начало первородства проникает в сознание великих князей и они стараются передать престол первородному сыну, а не брату или иному старейшему родичу. Так, уже Изяслав I хочет с благословения папы назначить в 1075 г. наследником «Русского королевства (regnum Ruscorum)» своего сына Петра-Ярополка. Владимиру Мономаху наследует его старший сын Мстислав I, а по смерти Андрея Боголюбского ростовцы и суздальцы призывают на великокняжеский престол первородных внуков Юрия Долгорукого, Мстислава и Ярополка Ростиславичей, в ущерб младшим сыновьям Юрия и т. п. Борьба между началами сениората и примогенитуры продолжалась и позже, пока в Москве не победило второе при содействии митрополитов и широких масс населения. Попытка Юрия Дмитриевича отнять престол у своего племянника была основана на отжившем свой век праве сениората, а долгая борьба его сыновей Василия Косого и Дмитрия Шемяки за тот же престол была просто проявлением своеволия удельных князей, не основаным ни на каком формальном праве.

Что касается социально-политического содержания этой борьбы, то она представляла собой столкновение удельного князя, стремившегося сохранить порядки феодальной раздробленности, с великокняжеской властью, олицетворявшей новый политический порядок складывающегося Русского централизованного государства. Позиция московского боярства в этой борьбе не была однородной: верхушка его примкнула к удельно-княжескому блоку, но часть служилого боярства вместе с посадом и дворянством поддерживала великого князя Василия II. При такой расстановке социальных сил идеология «Слова о житии» Дмитрия Донского не может рассматриваться как выражение феодальных притязаний боярства в усобице 1432—1453 гг.

Между тем она вполне соответствует реальной обстановке всего княжения Дмитрия Донского. Вспомним, что он вступил на престол девятилетним мальчиком, нуждавшимся в поддержке и совете. Конечно, внешней и внутренней политикой ведала боярская дума, при деятельной поддержке митрополита Алексея. Именно эти силы добились в 1361 г. того, что ярлык на великое княжение был отнят от Дмитрия Константиновича Суздальского и возвращен одиннадцатилетнему Дмитрию; затем в январе 1366 г. они сумели женить шестьюнадцатилетнего Дмитрия на дочери его суздальского соперника, Евдокии Дмитриевне, и закрепить подчинение суздаль-

⁸ Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков, изд. 6. М., 1955, стр. 179. — Отметим, что Н. К. Гудзий поместил «Слово о житии» после «Задонщины» и перед «Словом о житии Стефана Пермского».

ского князя своему юному зятю. Постройка каменного кремля в Москве в 1367 г., дважды выдержавшего натиск грозного Ольгерда, была, наверно, столь же заслугой боярской думы, как и великого князя.

Московское боярство являлось той силой, которая поддерживала Дмитрия Донского; поэтому неудивительно, что перед смертью он обращается к своим малолетним сыновьям⁹ со следующим наставлением: «Бояры своя любите, честь им достойну воздавайте противу служению их, без воли их ничто же творите; приветливы будите ко всем слугам своим, но все творите с повелением родителей своих». Боярам он также говорит длинную речь: «Сберитесь ко мне, да скажу вам еже створих в житии своем: ведаете каков обычай мой есть и нрав, родихся пред вами и при вас возрастох, и с вами царствовах; землю Рускую держал лет 29, а от рожения ми 40 лет. И мужествовах с вами на многи страны, и противным страшен бых в бранех, и поганяя низложих божию помощию, и врагы покорих; великое княжение свое велми укрепих, мир и тишину земли Русьской сътворих, отчину свою с вами съблюдох, еже ми предал бог и родители мои, и вам честь и любовь даровах, под вами города держал и великия власти, и чада ваша любих, никому же зла створих, ни силою что отъях ни досадих ни укорих, ни разграбих ни избежьествовах, но всех любих и в чести держал, и веселихся с вами, с вами и поскорбех. Вы же не нарекошесь у мене бояре, но князи земли моей. Ныне же помяните словеса моя и своя, еже рекли есте ко мне во время свое: Должны есмы, тебе служа и детям твоим, главы положити своя, и укрепите ся истинно послужити княгини моей и чадом моим от всего сердца своего; во время радости повеселитесь с ними, и во время скорби не оставите их, да скорбь ваша на радость преложится, бог же мира да будет с вами».

В этой речи каждая фраза напоминает истинные события из жизни Дмитрия, он действительно мог сказать такую речь. Конечно, автор жития не присутствовал во дворце при кончине великого князя и не стенографировал речей, он слышал их от третьих лиц и кое-что приукрасил.¹⁰ Дмитрий мог сказать «без совета», а не «без воли», мог не сказать «князи земли моей». Но общий смысл речи не в «феодалных притязаниях», а в том, что Дмитрий, сказав несколько комплиментов боярам, требует от них верной службы детям: прежде всего совета, а затем готовности положить свои головы за них. Такая речь могла быть сказана в 1389 г., но не выдумана в 1432—1453 гг.

В качестве второго довода, который должен был бы указать на позднюю дату составления «Слова о житии», В. П. Адрианова-Перетц приводит отражение в нем перевода творений псевдо-Дионисия Ареопажита, «переданного на Русь, видимо, уже в XV веке». Самое слово «видимо» показывает, что уверенности у нее нет. Однако А. И. Соболевский указывает в русских книгохранилищах пять древнейших рукописей творений Дионисия, из них три XV в., а две отнесены им к XIV в., из них одна руки митрополита Киприана.¹¹ Правда, две из них привезены с Афона

⁹ Дмитрий Донской умер 38 лет и оставил девять детей, из которых старшему, Василию, было семнадцать лет, а младшему, Константину, — всего четыре дня.

¹⁰ «Пусть эта речь выдумана, изукрашена сочинителем: для нас важны не собственные слова великого князя, но то, как представлялись современникам отношения его к боярам», — заметил С. М. Соловьев (История России с древнейших времен, т. III. М., 1857, стр. 389—390).

¹¹ «Дионисия Ареопажита сочинения с толкованиями Максима Исповедника. Старейшие русские списки: 1) Увар., № 162, XV в.; 2) Антониева-Сийского мон. XV в. ... Старшие южнославянские списки: 1) болгарский, Моск. Дух. Ак., № 122, XIV в. руки митр. Киприана; 2) сербский, Нов. Исрус., № 78, XIV в.; 3) болгарский, Румянц.

Арсением Сухановым в 1655 г.,¹² но все же остается фактом, что уже в конце XIV в. митрополит Киприан имел в Москве собственноручный список этого сборника. Напомним, что перевод творений Ареопита с греческого на славянский язык был сделан в 1371 г. иеромонахом Исаией,¹³ бывшим игуменом Русского монастыря на Афоне, и отдельные русские монахи могли ознакомиться с этим переводом на Афоне и даже привезти в Москву рукопись этой новинки, впоследствии пропавшую (например, в пожаре 1382 г.). Следовательно, современник кончины Дмитрия Донского мог свободно цитировать Ареопита.

Уже А. А. Шахматов и С. К. Шамбинаго указывали на то, что автор «Слова о житии» был современником кончины Дмитрия Донского; они приводили его слова: «Но токмо слышах мног народ глаголющъ: о горе нам, братъе, князь княземъ успе». Очевидно, автор присутствовал при погребении великого князя.¹⁴

К этому наблюдению можно прибавить еще ряд доводов. Автор пишет: «И аз убо худородный на похваление предоброго господина ми (вариант ни) словес изнести восхотех». Назвать умершего «предобрый господин» мог только современник, считавший его своим господином.

Очень точные даты кончины и погребения: «месяца мая в 19, на память свягата мученика Патрекея, на 5-й недели по Велице дне, в среду долога вечера в 2 час нощи» и «месяца мая в 20, на память мученика Фалалея» (без указания года) — могли быть записаны только современником, в том же году, а не пятьдесят лет спустя.

Заметим еще, что житие Дмитрия Донского не встречается ни в каких сборниках житий или иных статей, так как это не житие святого. Оно сохранилось только как летописная статья 1389 г. в следующих летописях: Новгородской IV, Софийской I, Воскресенской, Никоновской, Львовской и затем в «Степенной книге». Можно полагать, что оно и было задумано как летописная статья, как подробное описание кончины великого князя и как похвала ему. Так, в Ипатьевской летописи мы находим подробное описание болезни, смерти и заслуг вольнского великого князя Владимира Васильевича (под 1288 г.), соединенное с похвалой ему, во многом заимствованной из «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона. Это повествование и похвала занимают девять страниц Ипатьевской летописи, и за ними следует продолжение: «Князь же Мстислав не притяже на погребеньє тела брата своего Володимера, но приеха после с бояры своими ... и плака ся над гробом его плачем великим зело, аки по отце своем по короле (Даниле); и утолвше ся от плача, и нача розсылати засаду по городам». Далее следуют события 1289 г. Видно, что вся повесть о кончине и похвала Владимиру была написана наспех, как летописная статья, в ближайшие дни (или месяцы) после события. Можно полагать, что и «Слово о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича» было задумано как летописная статья и что то «преподобие», по

М., № 93, XV в.» [А. И. Соболевский. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках. (Речь, читанная на годичном акте Археологического института 8 мая 1894). СПб., 1894, стр. 21].

¹² С. А. Белокуров. Арсений Суханов. — ЧОИДР, 1891, № 1—2, стр. 407.

¹³ Серб Исаия, высокообразованный писатель и политик, был назначен в 1348 г. игуменом Русского монастыря на Афоне, затем стал просто старцем и жил в 1363 и 1366 гг. опять в том же монастыре (В. А. Мошин. Житие старца Исая, игумена Русского монастыря на Афоне. — Сборник Русского археологического общества в Югославии, т. III. Белград, 1940, стр. 125—167).

¹⁴ А. А. Шахматов. Отчет о 12-м присуждении премий митрополита Макария в 1907 году, стр. 119; С. К. Шамбинаго. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 208.

просьбе которого автор начал писать свое «Слово», было духовным лицом, руководившим московским летописанием. Для такого выдающегося государя, как Дмитрий Донской, надо было заказать особо развернутую биографию и похвалу.¹⁵

«Слово» написано под непосредственным впечатлением кончины Дмитрия Донского, лицом, присутствовавшим при погребении и слышавшим много подробностей того, что происходило во дворце в те дни. Отметим еще, что «Слово» почти точно цитирует подлинное завещание Дмитрия Донского, перечисляя уделы, оставленные его сыновьям. Это могло быть записано именно в мае 1389 г., когда завещание было оглашено во дворце и могло быть интересно, пока эти сыновья были живы. Но трудно себе представить, чтобы через сорок или пятьдесят лет, после 1432 г., автор стал бы разыскивать в великокняжеском архиве это завещание: вероятнее всего его бы не допустили в ризницу.

Одно указание мешает нам отнести завершение «Слова» к 1389 г. Именно при перечислении сыновей Дмитрия Донского сказано: «Пятый же сын его, князь Иван, после отца преставился, а шестой сын его, князь Константин, еже есть меньший всех детей его, той четверодневному ему сыну по отце оставшуся». Большой князь Иван (родился в 1380 г.) умер в 1393 г.¹⁶ Следовательно, «Слово» было закончено после этого года. Но надо вспомнить, что некоторые писатели того времени очень долго отделяли свои сочинения. Сам Епифаний собирал записи о житии Сергия Радонежского годами и закончил житие лишь через двадцать лет; автор «Слова» мог начать его в 1389 г., а закончить, скажем, в 1394 г.; но, повторяем, он писал его по свежим впечатлениям.

Автор «Слова»

Если мы согласимся с тем, что «Слово о житии» было написано современником Дмитрия Донского, присутствовавшим при его кончине, и закончено около 1393—1394 гг., то встает вопрос о его авторе. Сходство этого похвального слова с произведениями Епифания Премудрого столь велико, что его автора считали подражателем Епифания. Но если «Слово о житии» было написано раньше известных нам произведений Епифания, то настойчиво встает вопрос, поднятый В. П. Адриановой-Перетц, но, к сожалению, ею слишком быстро оставленный: «не сам ли Епифаний сложил Слово о житии?».

Против этой гипотезы В. П. Адрианова-Перетц выставила, в сущности, лишь одно возражение: «Епифаний обычно надписывал своим именем все написанное им. И даже в позднейших обработках его житий, сделанных Пахомием Сербом, сохранилось имя его как основного автора».¹⁷

Рассмотрим основательность этого возражения. Действительно ли Епифаний надписывал своим именем все написанное им? Сочинений его не так много.

1) Житие Стефана Пермского имеет заглавие: «Месяца апреля в 26 день. Преподобнаго в священноиноках отца нашего Епифания съчинено бысть Слово о житии и учении святаго отца нашего Стефана бывшаго в Перми епископа. Благослови отче». Ясно, что это заглавие не

¹⁵ Биографии выдающихся деятелей писались обычно вскоре после их смерти: так, в 1326 г. после кончины митрополита Петра, великий князь Иван Калита поручил ростовскому епископу Прохору написать житие митрополита (см.: Н. К. Гудзьян. История древней русской литературы, стр. 236).

¹⁶ ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 123; т. VIII, СПб., 1859, стр. 63.

¹⁷ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии... стр. 91.

первоначально: Епифаний не мог написать про себя: «Преподобного в священноиноцких отца нашего Епифания». Несомненно, что Епифаний написал лишь заглавие «Слово о житии и учении святого отца нашего» и т. д.,¹⁸ а слова «преподобного» и т. д. были прибавлены позже почитателем Епифания, его учеником или переписчиком, чтобы спасти от забвения имя автора анонимного «Слова». Жития святых и князей обычно анонимны: из монашеской скромности Епифаний не поставил бы в заглавии Жития Стефана Пермского свое имя: в тексте он считает себя «после же всех худшим» и говорит о себе: «Аз бо есмь мни бех в братии моей и худший в людех и меншей в чловецех, последний во христианех, неключимый в иноцех (не «в священноиноцех») и невежа слову». Так же и в «Слове о житии» Дмитрия — автор говорит о себе: «аз бо художный», «аз же недостойный ... за грубость моего неразумия».

2) Житие Сергия Радонежского надписано: «Житие и жизнь преподобного отца нашего игумена Сергия, списано учеником его священноинком Епифанием, в нем же имать и от божественных чудес его». Такое растянутое и довольно нескладное заглавие («Житие и жизнь ... списано ... в нем же») не может в целом принадлежать такому стилисту, как Епифаний. Весьма вероятно, что он озаглавил: «Житие и жизнь преподобного отца нашего игумена Сергия», а прибавка принадлежит переписчику. Епифаний мог бы назвать себя учеником Сергия, но не стал бы себя называть «священноинком».¹⁹

3) Похвала первая Сергию Радонежскому надписана сходным образом: «Слово похвално преподобному отцу нашему Сергию, сътворено бысть учеником его священноинком Епифанием, благослови отче».²⁰ Опять-таки мы полагаем, что добавление «сътворено» и т. д. принадлежит переписчику, а Епифаний озаглавил лишь: «Слово похвално преподобному отцу нашему Сергию». Повторяем, он не стал бы называть себя «священноинком», когда в самом тексте он со смирением говорит о своем «недостойнстве», о своем «оскудном разуме», о «худом своем разуме и растленном уме», называет себя «груб же и умовреден», «окаянный и лишенный разума». Он не называет себя даже просто «иноком»; если бы он захотел назвать себя в заглавии, он сказал бы: «сочинено недостойным и грешным учеником его» или как-нибудь в этом роде.

4) Епифанию Премудрому справедливо приписывается и Похвала вторая Сергию, озаглавленная: «Слово похвално преподобному игумену Сергию новому чудотворцу, иже в последних родех в Руси возсиявшему и много исцеления дарованием от бога приемшаго». Опять-таки трудно сказать, принадлежит ли все это (не совсем складное) заглавие автору, но имени Епифания здесь нет. Нет его и в довольно кратком тексте, где автор говорит не от своего имени, а от всей братии: «вопием ти, убогая твоя чада». Между тем стиль этой похвалы совпадает в некоторых местах

¹⁸ Сама В. П. Адрианова-Перетц отметила, что «Слово о житии и преставлении» Дмитрия Донского своим необычным заглавием напоминает столь же необычное для жития заглавие биографии Стефана Пермского: «Слово о житии и учении» (В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии..., стр. 84).

¹⁹ Имя Епифания упомянуто и в заглавии первой Пахомиевской редакции: «Житие и жизнь преподобного и богоносного отца нашего Сергия, месяца сентября 25, в нем имать и от божественных чудес его. Списан от священноинка Пахомия Святыя горы, Епифания священноинка и духовника ученик бывы и послушник святого Сергия. Благослови отче» (Н. Тихонов. Древняя жития преп. Сергия Радонежского. М., 1892, вторая часть, стр. 3). Плохо согласованная вторая часть заглавия («от ... Пахомия ... ученик бывы»), наверное, принадлежит писцу — почитателю Пахомия и Епифания, во всяком случае не самому Епифанию.

²⁰ Н. Тихонов. Древняя жития преп. Сергия Радонежского, стр. 131—152.

со стилем «Слова о житии» Дмитрия Донского, как это отметила В. П. Адрианова-Перетц.²¹

5—6) Наконец, Епифанию приписывается по стилю предисловие к рассказу о смерти великого князя тверского Михаила Александровича, помещенное в Новгородской IV летописи, а также послание к Кириллу Белозерскому.²² В предисловии имени Епифания нет. В послании в качестве автора назван иеромонах Епифаний,²³ но фраза, в которой он упоминается: «Выписано из послания иеромонаха Епифания, писавшего к некоему другу своему Кириллу», — явно не входила в состав первоначального текста и не была написана самим Епифанием.

Итак, мы видим, что из шести произведений, приписываемых Епифанию Премудрому, два не носят его имени, а в остальных имя его, вероятно, приписано позже. Ни об одном из них мы не можем утверждать, что Епифаний сам внес свое имя в заглавие. Это противоречило бы монашескому смирению той эпохи. Искусство должно было служить высшему началу, и недостойная личность автора не должна упоминаться.²⁴ Современник Епифания, гениальный Андрей Рублев, не подписал ни одного своего творения, и лишь монастырская традиция сохранила связь его имени с его иконами и фресками.

Мы полагаем, что Епифаний не надписал ни одного из своих произведений. Но в Троицкой лавре сохранилась память о его авторе, и монастырские писцы прибавляли его имя к заглавиям. Попавшее же в летопись «Слово о житии» осталось анонимным.

Стилистические приемы Епифания

Сравним еще раз «Слово» о Дмитрии Донском со «Словом» о Стефане Пермском. Мы уже указали на сходство заглавий. Самое начало обоих житий схоже: нет никаких предварительных фраз, как например в Житии Александра Невского («О господе нашем Иисусе . . . яз худый и грешный и недостойный начинаю писати. . .»). Оба жития начинаются просто: «Сии убо в. кн. Дмитрей родися от благоверну и от пречестну родителю. . .»; «Сии преп. отец наш Стефан бе убо родом Русин . . . от родителю нарочиту. . .». Сочетание «Сии убо» принадлежит одному и тому же автору, как и правильное употребление двойственного числа: «от пречестну родителю . . . от родителю нарочиту».

Несмотря на все различия между сыном великого князя и сыном устюжского клирика, юность обоих описана в довольно схожих выражениях:

²¹ Там же, стр. 153—156; В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии. стр. 83.

²² В «Истории русской литературы» под редакцией А. С. Орлова, В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзия (т. II, ч. 1, М.—Л., 1945) на стр. 238 сказано: «Судя по стилю, Епифанию, кроме житий, принадлежат письмо Кириллу Белозерскому и введение к Тверской летописи», а на стр. 245—246 указывается, что предисловие к рассказу о смерти тверского князя Михаила Александровича (умер в 1399 г.) в IV Новгородской летописи «принадлежит другому автору, возможно Епифанию Премудрому».

²³ Послание Епифания к преподобному Кириллу 1413 г. — Православный собеседник. Казань, 1863, ч. 3, стр. 324.

²⁴ Напомним, что и «Повесть временных лет» не носит имени Нестора ни в Лаврентьевском, ни в Ипатьевском списках; сказано лишь: «Се повести временных лет черноризца Федосьева монастыря» и т. д., однако в позднейшем, Хлебниковском, списке (и в том, которым пользовался Татищев) вставлено имя «Нестера-черноризца», очевидно переписчиком.

«Еще же млад сый възрастом, и о духовных прилежа дѣлсѣхъ» (Дмитрий); «И еще дѣтищем сый, из млада, вдан бысть грамотѣ учити ... и грамоте прилежаше» (Стефан).

Заметим в развернутом описании добродетелей отрока сходное построение:

«Слово о житии» Дмитрия
Донского

Еще же млад сый възрастом, и о духовных прилежа дѣлсѣхъ, и пустошных бесѣд не творяше, и срамных глагол не любляше, злонаравных человек отвращашеся, а с благими всегда бесѣдоваше, божественных писаний со умилением послушаше, о церквах божиих велми печашеся, а стражу земли Русьскыя ... держаше, злобою отрока обреташеся, а умом свершен всегда бываше, ратным же ... страшен бываше, и многы врагы ... победи, и славный град свой Москву стѣнами чудными огради.

«Слово о житии» Стефана
Пермского

И еще дѣтищем сый, из млада ... успѣваше же разумом душевным ... к дѣтем играющим не приставаше ... тщетнаа гонящим не внимаше, чи водворяшеша с ними; но от всѣх дѣтских ... игр отвращашеся, но точию на славословие упражняся, и грамотѣ прилежаше, и книгам всяким вычению издався ... Научи же ся в градѣ Устьюжь всеи грамотичней хитрости и книжнѣй силѣ.

Это тот же стилистический прием: сперва ряд предложений со сказуемым в переходящем времени (одиннадцать в Житии Дмитрия, шесть в Житии Стефана) и затем, в концовке — аорист: «победи», «огради», «научи же ся». Здесь нельзя предполагать оригинал и подражание, слишком различие всего изложения. Это особый прием автора: он оставляет общую схему, но наполняет ее различным содержанием.

Затем идет рассказ о браке Дмитрия, наполненном добродетелями, — инок Стефан не женат, но говорится о его добродетелях и пострижении.

Центральным местом деятельности Дмитрия являются его победы над татарами. Они изложены довольно кратко, с сильным церковным оттенком, с прямым обращением Дмитрия к богу и богородице: «заступнице и помощнице миру ... испроси ми силу и помощь ... постави мя столп крепости». Также и Стефан Пермский среди своей деятельности обращается к богу: «нищим заступнице, утверди и вразуми сердце мое и дай ми слово».

В. П. Адрианова-Перетц привела еще целый ряд примеров стилистического сходства между «Словом о житии» Дмитрия Донского и «Словом о житии» Стефана Пермского,²⁵ которые убеждают нас в том, что нельзя предполагать талантливое подражание, а что просто оба «Слова» написаны одним автором, применявшим те же литературные приемы, но старавшимся разнообразить изложение, пользуясь богатством своего языка.

Остановимся на одном примере, кратко упомянутом в статье В. П. Адриановой-Перетц. В конце «Слова», в похвале, автор ставит целый ряд риторических вопросов, спрашивая, кому уподобить восхваляемое лицо:

«Слово о житии» Дмитрия
Донского

Кому уподоблю великаго сего князя Дмитрея Ивановича, царя Русьскыя земли и настояльника великому княжению и собрата христанскаго³ Приидите, любимици,

«Слово о житии» Стефана
Пермского

Но что ты нареку, о епископе, или что ты именую, или чим ты прозову, и како ты провещаю, или чим ты меню, или что ти приглашу, како похваляю, како почту,

²⁵ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии... стр. 82—86.

церковни друзи, к похвалению словеси по достоинству похвалити держателя земли Русьской. Ангела ли ты нареку? но ... Человека ли? но ... Первозданного ли ты нареку? но той... ты же ... Сифа ли ты нареку? но того ... ты же ... Еноху ли ты подоблю? но той ... ты же ... Ноя ли ты именую? но той ... ты же ... Евера ли ты нареку? ... ты же ... Авраама ли ты нареку? но ты ... Исаака ли ты восхваляю? ... но ты ... Израиля ли ты възглаголю? но той ... ты же ... Иосифа ли ты явлю? ... ты же ... Моисея ли ты именую? но той ... ты же ...

како ублажу, како разложу, и како хвалу ти съплету? Тем же что ты нареку, пророка ли, яко ... Апостола ли ты именую, яко ... Законодавца ли ты прозову или законоположника, им же ... Крестителя ли ты провещаю, яко ... Проповедника ли ты прозову, понеже ... V Евангелиста ли ты нареку или благовестника, им же ... Святителя ли ты именую, елма же ... Учителя ли ты прозову, яко ... Да что ты прочее назову, страстотерпца ли или мученика, яко ... Да что ты приглашу, пастуха ли нареку, понеже... Что ты нареку ... посетителя ли ты толкую, яко же ... Врача ли ты намену, яко ... Отца ли ты нареку или казателя ... Да что ты еще нареку, исповедника ли ты исповедаю, понеже...

Мы видим, что построение одинаковое в обеих похвалах: сперва общий вопрос, затем ряд вопросительных сравнений с ответами. Число их почти то же: в первом «Слове» двенадцать сравнений, во втором четырнадцать, причем четыре обогащены вариантами, вводимыми союзом «или». Глаголы эчень разнообразны: чаще всего встречается «нареку» (пять раз в первом и шесть раз во втором «Слове») и «именую» (два раза в первом и три раза во втором «Слове»). Наряду с ними мы находим в первом «Слове»: уподоблю, похвалити, подоблю, въсхваляю, възглаголю, явлю», а во втором: прозову, приглашу, провещаю, проглашу, назову, толкую, намену, исповедаю; из этих глаголов шесть повторяются в вводном вопросе, где мы найдем еще пять: похвалю, почту, ублажу, разложу, хвалу сплету. Итак, в первом «Слове» Епифаний подобрал восемь глаголов для своих вопросов, а во втором — пятнадцать. Заметим, что построение ответных предложений неодинаково: в первом «Слове» — противительные, во втором — объяснительные предложения.

Конечно, мы имеем дело не с подражателем, а с талантливым автором, у которого есть понравившаяся ему схема; он повторяет ее, но разнообразит ее всеми доступными ему средствами. Заметим, что в Житии Стефана Пермского эти средства еще богаче, что подтверждает наше предположение о том, что «Слово» о Дмитрие Донском было написано раньше.

Мы можем указать вероятный образец этой схемы. Это Житие Симеона Немани, написанное его сыном королем Стефаном Первовенчанным, одно из лучших произведений сербской средневековой литературы. В отличие от другого Жития Симеона, написанного другим его сыном, архиепископом Саввой, в чисто церковном духе, это Житие гораздо больше рассказывает о государственной деятельности Немани, чем о его чудесах; оно есть образец «светски-церковного» жития, как и Житие Александра Невского.

В предпоследней, 19-й, главе король Стефан восхваляет своего отца целым рядом риторических вопросов:

Кто бо изъчтеть сего чудеса?
 который ли языкъ изъглаголетъ тайны твое? ...
 которые ли устынѣ отвързета се на твою похвалу, прѣподобне?

которыи ли разумъ исповѣсть твоя величия, поты и труды?...
 Что же нареку те, о прѣподобне, азъ непотрѣбныи твои рабѣ?
 Апостола ли нареку те? яко бола и апостоль бысть...
 Мученика ли? нѣ кто изъчтеть страсти твое бесчисльниие...
 Учителя ли те нареку отъчъствию своему? нѣ ты прѣвзыде тѣхъ...
 Воина ли те нареку, свете, крѣпка? ты ибо огради вселеную...
 Пророка ли нареку те, прѣчюдне? нѣ глаголетъ господь...
 Пустыннаго ли жителя нареку? нѣ ты и въ пустыни большии
 процвѣте...²⁶

Это тот же план: сперва недоуменные вопросы, а затем ряд сравнений в форме вопросов с ответами или объяснениями.²⁷ Заметим, что у Епифания выполнение этого плана богаче, чем в сербском образце. Там только шесть уподоблений, у Епифания в первом Житии двенадцать, во втором четырнадцать. Король Стефан пользуется только глаголом «нареку тя», Епифаний сохраняет этот глагол (по пяти раз), но рядом с ним поставил еще много вариантов (семь в первом «Слове», четырнадцать во втором). Ответные предложения в сербском Житии построены противительно (четыре раза «но», один раз «ты ибо»), но в первом же вопросе объяснительно: «яко ты». Епифаний строго провел схему противительных ответов в первом «Слове» («но ты», «но той»), а во втором дал только объяснительные («яко», «понеже», «елма»).

Итак, сравнение стиля «Слова о житии» Дмитрия Донского и «Слова о житии» Стефана Пермского убеждает нас в том, что мы имеем дело не с оригиналом и подражанием, а со стилем одного и того же автора, с «автореминисценциями», при которых автор чрезвычайно разнообразит свой язык, чтобы не повторяться. Так подражатели не поступают.²⁸

Схема трех плачей

В. О. Ключевский говорит по поводу Жития Стефана Пермского, отмечая риторическое искусство Епифания: «Наконец, житие завершается похвалой святому в форме, обнаруживающей стремление к художественности: в трех статьях («плачах») являются с длинными монологами пермские люди, пермская церковь и биограф, сетующие о кончине епископа, сам Стефан, обращающийся к господу с молитвой о церкви, и господь, прославляющий пермского епископа. Такая оригинальная форма похвального слова нераздельно принадлежит одному Епифанию; ни в одном греческом переводном житии не мог он найти ее, и ни одно русское позднейшее, заимствуя отдельные места из похвалы Епифания, не отважилось воспроизвести ее

²⁶ P. J. Šafarik. Památky jihoslovanského písemnictví. V. Praze, 1872, стр. 25—26. — Побывав на Афоне, Епифаний Премудрый мог там ознакомиться с этим и другими сербскими житиями.

²⁷ Сходную форму сравнений в виде вопросов и ответов можно найти уже в летописной повести о Борисе и Глебе и в зависящем от нее «Сказании», но в гораздо более кратком виде: «Тем же вас како по достоанию въсхвалим? Ангела вас нареку... Но плотьни еста... Мучникам? Но... Царя ли или князя? Но смирение паче человек иместа». Здесь лишь по три вопроса, тогда как схема Епифания восходит к вопросам в Житии Стефана Немани. Ср.: Д. Абрамович. Сказания о Борисе и Глебе. СПб, 1913, стр. 48, 89.

²⁸ В. П. Зубов в статье «Епифаний Премудрый и Пахомий Серб» (ТОДРА, т. IX М.—Л., 1953, стр. 148) прекрасно сказал, что сложные периоды Епифания «можно уподобить орнаменту с переплетением нескольких разноцветных нитей». Мы добавим, что когда в стиле двух произведений Епифания наблюдается сходство, то основной узор тот же, но нити почти все других цветов.

литературную форму».²⁹ То же говорит и Е. Е. Голубинский: «А в отношении к красноречию составляют его оригинальный измысл, которому не отваживался подражать никто из позднейших, три плача по святом Стефане, которыми он оканчивает житие, именно: плач пермских людей, плач церкви пермския, „егда овдове и плакася по епископе си (своем)“, и плач и похвала инока списателя».³⁰

Ни В. О. Ключевский, ни Е. Е. Голубинский не заметили сходства этой схемы трех плачей с рассматриваемым нами «Словом о житии» Дмитрия Донского, вероятно потому, что они изучали оба лишь «жития святых», а Дмитрий Донской канонизован не был. Впрочем, В. О. Ключевский вкратце касается и этого светского жития, справедливо говоря: «Этим цветом церковного похвального слова окрашивались не одни церковные явления: он сильно замечен уже в житии в князя Дмитрия Донского, написанном, по-видимому, вскоре после его смерти. Автор биографии — начитанный книжник, сколько можно судить по его цитатам и многоречивым рассуждениям, и писал ее для какого-нибудь духовного лица. Иногда у него заметно подражание житию Александра Невского; встречаем литературные черты, которые были не во вкусе агиобиографии: картину Донского побоища, плач княгини с причитаниями над умершим мужем. Но тем резче выделяются в биографии черты другого свойства: в характеристике князя допущены почти исключительно иноческие добродетели; несоразмерно длинное и до темноты витиеватое похвальное слово в конце жития рассматривает Донского героя только как святого, и, перебирая исторические имена, которыми можно было бы характеризовать князя, оно называет только праведников обоих заветов».³¹ Итак, В. О. Ключевский отметил «плач княгини с причитаниями» как особенность «Слова о житии», но от него ускользнуло сходство этого плача с плачем пермских людей по епископе Стефане.

Между тем схема одинакова в обоих «Словах о житии», и восходит она к древнерусской традиции, к летописям, очень часто отмечающим плач народа и его семьи (вдовы, сыновей) по умершем князе. Епифаний вдохновился летописями и жизнью и создал схему трех плачей, которая «нераздельно принадлежит одному» ему, по справедливому замечанию В. О. Ключевского. Летописи постоянно отмечают плач по князю, но делают это гораздо короче. Возьмем Ипатьевскую летопись, которая, по-видимому, была известна Епифанию Премудрому (Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871). Уже о смерти Олега в 912 г. сказано: «И плакашася по нем вси людие плачем великом, и несоша и, и погребоша и на горе». О смерти Ольги в 969 г. сказано несколько больше: «И плакася по ней сын ея и внуци ея, и людье вси плачем великим, и несъше погребоша ю на месте».

Это не был просто плач и вопль; нет, это были определенные причитания, имевшие давно установленный облик, но разнообразившиеся в зависимости от данного лица. Так, о кончине Владимира Великого сказано: «Се же увидевше людье и снидошася бе щисла и плакашася по немь бояре акы заступника земли и х убозии акы заступника и кормителя». О смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. сказано кратко, что пла-

²⁹ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 94.

³⁰ Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, 2-я половина. М., 1910, стр. 175—176.

³¹ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых... стр. 169—170.

кались «все людье», но особо отмечен плач его любимого сына Всеволода.³² О смерти Изяслава I в 1078 г. сказано больше: «и понесоша в град, и не бе лзе слышати пенья в плаче велице и воле: плакася по немь весь город Киев. Ярополк же идяше по немь, плачася с дружиною своею: „Отче, отче мой! что еси бес печали пожил на свете семь, многи напасти приемь от людей и от братья своея? Се же погипе не от брата, но за брата своего положи главу свою“». Здесь впервые приведен индивидуальный плач, говорящий именно о погибшем в бою князе.

Краткие упоминания о плаче найдем при смерти Ярополка Изяславича в 1087 г., великого князя Всеволода в 1093 г. (отмечено, что плакали его сыновья Владимир Мономах и Ростислав), великого князя Святополка II в 1113 г.

Несколько больше сказано о смерти Владимира Мономаха в 1125 г. — сперва похвала умершему, а затем описание плача: «Святителе же жалящеси плакахуся по святом и добром князи, весь народ и все людие по немь плакахуся, яко же дети по отцю или по матери, плакахуся по нем все людие и сынове его... и внуци его; и тако разидошася все людие с жалостью великою, тако же и сынове его разидошася, каждо в свою волость, с плачем великом». Здесь мы видим, что причитания были не только до погребения, но и после него. Заметим, что в приведенных примерах не упоминается вдова покойного князя.

Не будем приводить всех последующих упоминаний. Отметим лишь, что в 1154 г. о смерти великого князя Изяслава II сказано: «плакася по нем вся Руская земля и все Чернии Клобуци, и яко по цари и господине своем, наипаче же яко по отци». Здесь впервые мы видим, что в погребальном плаче умершего князя можно называть «царем».

Подробнее изложены плачи в рассказе об убийстве Андрея Боголюбского в 1175 г. Во-первых, о нем плачет его верный Кузьмище Киянин: «Господине мой, како еси не очютил скверных и нечестивых пагубоубийственных ворожьбит своих, идущих к тебе, или како ся еси не домыслил победити их, иногда побежая полкы поганых Болгар? И тако плакася и». Затем тот же Кузьмище причитает: «Уже тебе, господине, паробьци твои тебе не знают» и т. д. Горожане боголюбские не плачут, а занялись грабежом княжьего дома и домов посадников и тивунов. Но когда тело вели-

³² В XI в. первые развернутые плачи находятся в «Сказании о страсти и похвале» князьям Борису и Глебу, приписываемом Иакову-мниху. Узнав на реке Альте о смерти своего отца, Борис причитает: «Увы мне, свете очю моею, сияние и заре лица моего, бздру уности моее наказание недоразумения моего. Увы мне, отче и господине мой! К кому прибегну, к кому взърю?... Увы мне, улы мне! Како заиде, свете мой, не сушу ми ту?... Сердце ми горит, душа ми сьмысл сьмуцаеть и не веьм к кому обратитися» (Д. И. Абрамович. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пгр., 1916, стр. 29). Так же плачет и Глеб на Смядине, узнав из послания Ярослава о смерти отца и убийении брата Бориса: «О улы мне, господине мой! От двюю плачу плачюся и стению, дьвою сетованию сетую и тужю. Увы мне, улы мне! Плачу зело по отци, паче же плачюся и отчаях ся по тебе, брате и господине Борисе. Како прободен еси... Увы мне! Уне бы с тобою умрети ми, неже уединену и усирену от тебе в семь житии пожити» и т. д. (там же, стр. 39—40). Эти плачи, конечно, сочинены автором-монахом, который не мог никак их слышать и ему даже не могли их передать. Поэтому оба плача чрезмерно окрашены церковными элементами. Но важно следующее: автор был убежден, что при смерти отца сыновья (даже находящиеся далеко от гроба) обязаны изливать свое горе в причитаниях, в которых традиционные формулы сочетаются с указаниями на особые черты личности умершего и на обстановку его смерти. Заметим, что некоторые выражения обоих плачей могут восходить к реальным формулам княжих плачей, например: «увы мне», «свете очей моих», «свете мой», «како заиде»; наконец, обращение к умершему отцу или старшему брату как к «господину».

кого князя Андрея привезли во Владимир, здесь начался общий плач и вопль. «И поча весь народ плача молвити: „Уже ли Киеву поеха, господине, в ту церковь, теми Золотыми вороты, их же делать послал бяше той церкви на велицем дворе на Ярославле, а река: «хочю создати церковь таку же, ака же ворота си Золота, да будеть память всему отъчству моему»“. И тако плакася по немь весь град». Вот часть развернутого прочтения, начатого характерным наречием «уже» и описывающего события из жизни покойного. За этим следует характеристика князя и обращение к нему: «Радуети ся, Андрею княже великий . . . моли ся помиловати братью свою» и т. д.

Еще интереснее описание кончины князя Мстислава Ростиславича (Храброго) в Новгороде в 1178 г. Здесь плачется «по нем вся земля Новгородская, наипаче же плакахуся по немь лепшии мужи Новгородстей . . . и тако молваху плачущесе: „Уже не можем, господине, поехати с собою на иную землю, поганых поработити во область Новгородскую: ты бо много молвяшеть, господине наш, хотя на все стороне поганья. Добро бы ныны, господине, с тобою умрети, створшему толикую свободу Новгородцем от поганых, яко же и дед твой Всеволод свободил ны бяше от всех обид. Ты же бяше, господине мой, сему поревновал и наследил путь деда своего. Ныне же, господине, уже к тому не можем тебе узрети, уже бо солнце наше зайде ны и во обиде всим остахом“. И тако плакавшесе над ним все множество Новгородское, и силнии и худии, и нищии и убозии, и черноризьсьце, бе бо милостив на вся нищая, и тако разидошася во своя дома». В этом плаче обращает на себя внимание его индивидуальная форма — в нем говорится о личных заслугах храброго князя, всегда готового «умрети за Русьскую землю и за хрестьяны», как сказано о нем ниже. Вместе с тем в этом плаче видим ряд традиционных оборотов народного типа: «уже», «уже бо», «солнце наше зайде ны», «во обиде всим остахом». Опять нет плача вдовы, но следует похвальная характеристика князя, оканчивающаяся словами: «И плакашесе по немь вся земля Руская, не може забыти доблести его, и Чернии Клобуци вси не могут забыти приглубления его».

Через два года, в 1180 г., умирает в Смоленске его брат Роман Ростиславич, и опять описание его кончины говорит об общем плаче, правда, в общих чертах: «И плакашася по немь вси Смолняне, поминающе добро сердце его до себе, паче же и сынове его плакахуся, слезами обливающе лице свое». Но очень важно, что здесь впервые дан плач вдовы-княгини, в кратком виде. «Княгини же его безпрестани плакаше, предъстоящи у гроба, сиде вопиюще: „Царю мой благый, кроткий, смиренный, правдивый! Воистину тебе нарчено имя Роман, всею добродетелию сый подобен ему,³³ многия досады прия от Смолнян, и не виде тя, господине, николи же противу их злу некотораго зла въздающа, но на бозе вся покладывая провожаше“». Это опять индивидуальный плач, созданный именно для Ростислава.

Наконец, под 1288 г. находим в Ипатьевской летописи описание смерти князя Владимира Волынского, самое подробное из всех, в котором мы найдем и плач княгини, и плач народа. Их следует привести и указать на их несамостоятельность.

Плачи княгини и «лепших мужей» просто заимствованы из более ранних плачей, находящихся в той же Ипатьевской летописи, как это показывает нижеследующее сравнение:

³³ Роман и Давид — христианские имена князей-мучеников Бориса и Глеба.

Ипатьевская летопись под
1288 г.³⁴

Княгини же его беспрестани плакашеса, предстоящи у гроба, слезы от себе изливающи аки воду, сице вопиюще, глаголюще:

«Царю мой благый, кроткий, смиренный, правдивый! Воистину наречено бысть тебе имя во крещении Иван, всею добродетелью подобен есть ему: многыа досады прием от своих сродник, не видех тя, господине мой, николи же противу их злу никоторого же зла воздающе, но на Бозе вся покладывая провожаше»

Ипатьевская летопись под
1180 г. (смерть князя Романа
Ростиславича)

Княгини же его безпрестани плакаше предстоящи у гроба, сице вопиюще:

«Царю мой благый, кроткий, смиренный правдивый! Воистину тебе нарчено имя Роман, всею добродетелию сый подобен ему, многыа досады прия от Смолнян, и не виде тя, господине, николи же противу их злу никотораго зла въздающе, но на Бозе вся покладывая провожаше».

Ипатьевская летопись под
1178 г. (смерть князя Мстислава
Храброго)

Наипаче же плакахуся по немъ лепшии мужи Володимерьстни, рекуче

«Добро бы ны, господине, с тобою умерети, створшему толикую свободу, яко же и дед твой Роман свободил бяшетъ от всих обид; ты же бяше, господине, сему поревновал и наследил путь деда своего; ныне же, господине, уже к тому не можемъ тебе зрети, уже бо солнце наше зайде ны и во обиде всех³⁵ остахом».

И тако плакавшеса над нимъ все множество Володимерцев, мужи и жены и дети [и] Немци и Сурожьце и Новгородци и Жидове плакахуся аки и во взятъе Иерусалиму, егда ведяхуть я во полон Вавилонский, и нищии и убозии и черноризци и черници: бе бо милостив на вся нищяя

После описания внешности князя, тоже во многом заимствованной из статьи 1180 г. о Романа Смоленском, и его добродетелей следует похвала ему, рабски заимствованная из «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона. Сравним оба текста:

Ипатьевская летопись под
1288 г.

Добр послух благверью твоему обителнице, святая церкви святая Богородица Мария, юже созда прадед твой на право-

«Слово о законе и благодати»

Добр послух благоверню твоему, о блаженнице, святая церкви святые Богородица Мариа, иже създа на правоверней

³⁴ Дата 1288 г. неверная (как многие в Ипатьевской летописи): в самом тексте этой летописной статьи сказано, что князь Владимир Василькович скончался «в лето 6797 [1289] месяца декабря в 10 день» (Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871, стр. 604).

³⁵ Во всех списках Ипатьевской летописи стоит слово «всех», которое издатели исправили на «всем» (Летопись по Ипатскому списку, стр. 605), вероятно по соответствию с текстом 1178 г. Действительно, «обида» сочетается с дательным падежом, как в «Слове о полку Игореве»: «Не было оно обидѣ порождено ни соколу ни кречету ни тебе». Однако писец 1288 г. мог сочетать «всех» с глаголом «остахом» в значении «лишились всего, всех», как это встречается и в плаче по Дмитрии Донском.

верней основе, идеже и мужественное твое тело лежить, жда трубы архангеловы.

Добр зело послух брат твой Мьстиславь его же сотвори господь наместника по тебе твоему владычеству... (всего 18 строк).
Востани от гроба твоего, о честная главо, востани! Отряси сон: неси бо умерл, но спиши до общаго востания. Востани...
Востани, видь брата твоего, красящаго стол земля твоея...

К сему же виждь и благоверную свою княгиню, како благоверье держить по преданию твоему, како поклоняются имени твоему.

основе, идеже и мужьственное твое тело ныне лежит, ождая трубы архангеловы.

Добр же зело и верен послух сын твой Георгий, егожь створи господь наместника по тебе твоему владычеству...

Встани, о честная главо, от гроба твоего, встани, отряси сон. Неси бо умерл, но спиши до общаго всем встания. Встани...
Встани, виждь чадо свое Георгия, виждь ... красящего стол земли твоей...

К сему же виждь и благоверную сноху твою Ерину, виждь внуки ... како благоверье держат по преданию твоему, како славят Христа, како поклоняются имени его.

Мы видим, как поступает подражатель-компилятор. Он не стесняется выписывать целые ряды предложений из своего образца, лишь изменяя собственные имена, чтобы приспособить древний текст к своим целям. Волынский князь сам не построил соборной церкви во Владимире, пришлось вставить: «уже созда прадед твой». Наследником великого Владимира был его сын Ярослав-Георгий; у волынского князя не было сыновей, пришлось изменить: «брат твой Мстислав». Вдовы Владимира Святославича уже не было в живых при митрополите Иларионе, он назвал его сноху Ирину-Ингигерду, внуков и правнуков; волынский летописец вместо них внес княгиню-вдову. Эта замена не всегда удачна: митрополит Иларион говорил о том, как потомство Владимира поклоняется имени Христа. Волынский начетчик, сокращая свой образец, заставил княгиню «поклоняться имени твоему», т. е. покойного мужа.

Мы остановились на этой летописной статье, ибо она показывает, что в летопись вносились иногда подробные (и, конечно, анонимные) рассказы о погребении князя, соединенные с плачами и похвалой. Здесь мы находим почти все те же элементы, что и в «Слове о житии» Дмитрия Донского: описание погребения, плач княгини, плач людей, похвалу усопшему и заимствование из «Слова» митрополита Илариона, но нет третьего плача — самого автора.

Схема трех плачей в обоих «Словах о житии» принадлежит только Епифанию.

Заимствования из древних образцов

Можно полагать, что Епифаний знал Ипатьевскую летопись. Но надо признать, что он подражал ей очень самостоятельно: вдохновившись общей схемой, он ничего не копировал, а обратившись тоже к «Слову» митрополита Илариона, взял из него другую формулу, значительно ее изменив.

Остановимся на этом заимствовании из «Слова о законе и благодати» в обоих «Словах о житии» Епифания Премудрого.

«Слово о законе и
благодати»

Хвалит же похвальными гласы Римская страна Петра и Павла, ими же вероваша в Иисуса Христа сына божия Асия и Ефес

«Слово о житии»
Дмитрия Донского

Похваляет бо земля Римская Петра и Павла, а Асийская — Иоанна Богослова, Индийская — апостола Фому, а Иеруса-

«Слово о житии»
Стефана Пермского

Хвалит бо Римская земля обою апостолу Петра и Павла, чтить же и блажить Асийская земля Иоанна Богослова, Еги-

и Патм—Иоанна Богослова, Индия — Фому, Египет — Марка. Вся страны и грады и людие чтуть и славят кожде их учителя, иже научивша православной вере. Похвалим же и мы... нашего учителя и наставника, великаго кагана нашея земли Володимера.. Не в хуе бо и не в неведоме земле владычествоваше, но в Русьскойой...

лимская брата господня Иякова, и Андрея Первозванного все Поморие царя Константина Греческая земля, Володимера — Киевская со окрестными грады, тебе же, великий князь Дмитрий Ивановичь, вся Русьская земля.

петьская — Марка евангелиста, Греческая Андрей апостола, Русская земля великого князя Володимера, крестившаго ю, Москва же блажит и чтит Петра митрополита яко новаго чудотворца, Ростовская же земля Леонтия, тебе же, о епископе Стефане, Пермская земля хвалит и чтит яко апостола, яко учителя, яко вожа, яко наставника.

Мы видим, как свободно обращается Епифаний со своим образцом. Он все время старается выражать те же мысли иными словами. Вместо «хвалит же» он пишет «похваляет бо», вместо «Римская страна» — «Римская земля», вместо «чтут и славят» — то «чтит и блажит», то «хвалит и чтит». Почти весь подбор слов у него новый; если и остались отдельные слова, как «грады» и «учителя и наставника», «Русьская земля», то они появляются в совсем ином окружении. Он изменяет даже ряд стран и апостолов: в Житии Дмитрия Донского он оставил Рим, Азию и Индию с их патронами, но выпустил Египет, зато вставил Иерусалим, Греческую землю и все Поморье (Черноморское) с Андреем Первозванным, считавшимся и патроном Русской земли. Вставил и двух канонизованных государей — царя Константина и Владимира Киевского, что дает удачный переход от апостолов к русскому государю Дмитрию.

В Житии Стефана Пермского он старается разнообразить заимствование: изменяет первые фразы о Римской и Азийской земле, вставляет Египет и Антиохию, но выпускает Индию и Иерусалим, выпускает царя Константина, но дает Греческой земле в патроны Андрея Первозванного, расширяет фразу о Владимире и прибавляет еще похвалу Москвы — митрополиту Петру и Ростова — епископу Леонтию. Вся эта филигранная перечеканка сделана с большим умением.

Мы не можем согласиться с В. П. Адриановой-Перетц, когда она утверждает, что «в похвале есть несомненный отголосок Летописной повести, правда, не ее исторических эпизодов. Гиперболическое описание горя автора в начале похвалы представляет сокращение плача побежденного Мамай в Летописной повести, где этот эпизод не самостоятелен: это одно из заимствований, сделанных автором Летописной повести из довольно неожиданного источника — из апокрифического „Слова на Рождество Христово о пришествии волхвов“». ³⁶ В. П. Адрианова-Перетц приводит вполне убедительное сопоставление текстов Летописной повести и «Слова на Рождество», но не приводит сравнения со «Словом о житии» Дмитрия Донского. Между тем, если мы сопоставим все три текста, мы увидим, что последний несколько ближе к тексту «Слова на Рождество», чем к Летописной повести.

«Слово о житии»
Дмитрия Донского

«Слово на Рождество»

Летописная повесть

Како воспишу или како возглаголю о преставлении сего великаго князя? От

Каяждо бо их к себе глаголаше: «О горе ми, горе ми, власы ми растерзаются,

И рече к себе Мамай: «Власи наши растерзаются, очи наши не могут огнен-

³⁶ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии... стр. 87.

горести души язык
связается, гортань
премокает, смысл изме-
няется, зрак опусневает,
крепость и знемогает.
Аще ли премолчно, нудит
ми язык яснее рещи

очи ми не мोगоста огнен-
ных слез расточати, язык
ми связается, гортань
ми пресыхает, сердце
ми раставается, чресла ми
потрясаются, колени ми
и знемогают, руде ми
одепенеста. Чо бо имам
рещи или что глаголати
от горькия болезни, ви-
девши вашу злострастную
смерть?»

ных слов источати, язык
наши связаются, и
гортань ми присыхает
и сердце ми раставается,
чресла ми растерзаются,
колени ми и знемогают,
а руде очипенивают. Чо
нам рещи или глаголати,
видяще пагубную смерть?»

Мы видим, что Летописная повесть наивно применяет плач вифлеемских жен к татарам Мамай, просто копируя свой источник. Другое дело — Епифаний: он, конечно, не стал применять к себе татарского плача, а просто обратился к источнику, к «Слову на Рождество», которое он, как начитанный церковный писатель, должен был знать. Что он вдохновился именно им, а не летописью, видно по тому, что слово «язык» у него в единственном, а не множественном числе, и по словам «от горести», которые являются отзвуком восклицания «О горе ми». Опять мы наблюдаем словесное мастерство Епифания: его подражание сохранило только ритм оригинала и пять отдельных слов — язык, связается, гортань, изнемогает, рещи. Все остальное словесное убранство иное, и в этой перемене есть глубокий смысл: вместо реалистического перечисления частей тела: волосы, очи, язык, гортань, сердце, чресла, колени, руки, — Епифаний, оставляя слова «язык» и «гортань» в значении «органы речи», заменяет остальные части тела отвлеченными понятиями: смысл, зрак, крепость. Его текст возвышеннее, чем текст апокрифа, который он читал.³⁷

Политические воззрения Епифания Премудрого

Единственным возражением против того, чтобы приписать Епифанию Премудрому «Слово о житии» Дмитрия Донского, могло бы быть следующее. «Слово о житии» прославляет великого князя московского, именуя его царем русским, прославляет «славный град Москву». Между тем, по справедливому замечанию В. О. Ключевского, «Епифаний не был москвич и не смотрел на события московскими глазами: как в житии Стефана Пермского он упрекнул москвичей за недостаточное признание подвигов пермского просветителя, так и в рассказе о переселении Сергиева отца из Ростова не задумался выставить главной причиной события московские нашествия».³⁸

Однако существенно ли это возражение? Заметим, что в «Слове о житии» Москва упоминается лишь раз как «славный град свой» Дмитрия, оградившего его крепкими стенами. Все же «Слово» посвящено прославлению Дмитрия как «осподаря всей земли Русьской», как «великого князя всея Руси», как «царя Русьского». Это общерусский патриотизм, надежда на объединение разрозненной Руси под водительством самого храброго, самого достойного и легитимного великого князя, победителя татар на Куликовом поле. Для того чтобы высказать эту идею, не надо было быть москвичом: ее же высказывает в своей «Задонщине» рязанский иерей Софоний, родом брянский боярин. Историческое развитие Руси в XIV—

³⁷ Заметим, что вместо «гортань ми пресыхает» Епифаний пишет «гортань премокает»; его интересует не физиологическое явление, а душевное.

³⁸ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых..., стр. 131

XV вв., рост объединительных тенденций порождали идеи общерусского патриотизма, носителями которых являлись прогрессивные элементы населения различных русских областей.

Появлению у Епифания чувства общерусского патриотизма могли способствовать и наблюдения, вынесенные им во время странствований по Востоку. Он сам называет Царьград, Святую гору (Афон) и Иерусалим как места своих странствий.³⁹ Что он мог видеть в это время на Балканах? Полное падение христианских царств, умножившихся и измельчавших. В это время не было единого царя в Царьграде, а было два греческих царя — в Византии и в Трапезонте, рядом с ними болгарский царь и с 1345 г. — самозванный сербский царь. Сербское царство исчезло в 1371 г., со смертью царя Уроша, а после несчастной битвы на Марице византийский царь стал вассалом турецкого султана, обязавшись платить ему дань и давать войско по его требованию. Таким же вассалом стал и болгарский царь Стефан Душан. В 1389 г. сербы потерпели новое поражение от турок на Косовом поле, сербский князь тоже стал вассалом султана, а в 1393 г. Болгарское царство было уничтожено турками.⁴⁰ Царьград был уже накануне падения, и лишь полное поражение, нанесенное султану Баязету Тамерланом при Ангоре в 1402 г., отсрочило это падение на пятьдесят лет. Естественно, что вернувшийся в эпоху Куликовской победы на Русь Епифаний мог с гордостью взирать на победителя Дмитрия Донского и применить к нему титул «царя» русского, которого Дмитрий был не менее достоин, чем указанные слабые восточные цари. И можно полагать, что это не была личная идея Епифания, а что она носилась и перед самим Дмитрием. Приписанные в «Слове о житии» каким-то «царям земским, живущим окрест его», слова: «Великий князь Дмитрией Московский именует себе Руской земли царя» — могут заключать в себе долю истины. И сам Дмитрий, и его отец Иван, и дядя Симеон Гордый (с 1347 г.) уже носили в греческих своих письмах титул «великого короля всей России» (*μεγας ρηξ πασης Ρωσίας*), и этим титулом величали их византийский царь и патриарх в своих ответных посланиях.⁴¹ Шаг от этого титула до царского не так велик.

1390-е годы, начало княжения Василия Дмитриевича, были удобным временем для таких притязаний. Вспомним, что в это время (в 1390 г.?) Василий I отменил в русских церквях поминание византийского царя, очевидно считая себя ему равным, и патриарху пришлось написать ему в 1393 г. длинное послание, проповедовавшее совсем уже не соответствующее реальной обстановке учение о том, что православные христиане имеют лишь одного царя — в Царьграде.⁴² Мы не знаем, каков был ответ великого князя, но запись на Евангелии 1408 г. именует его «самодержцем всея Руси»;⁴³ так же величает его и летописная повесть о нашествии Еди-

³⁹ «Не взыска (он) царствующаго града ни Святой Горы или Иерусалима, яко же аз окаянный и лишенный разума — у люте мне, ползая семо и овамо и преплавая суду и оводу» (Е. Голубинский. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. Сергиев Посад, 1892, стр. 76). Епифаний знал новогреческий язык и, вероятно, написал рукопись Троицкой лавры 1380 г. с записью: «Господине святой Епифаний Кипрский, съименниче мой, елсеон ми» (там же, стр. 76—77).

⁴⁰ В эти последние годы в Болгарии было даже два царя — тырновский Иван Шишман (до 1393 г.) и видинский Срацимир (до 1396 г.).

⁴¹ Fr. Miklosich et Jos. Müller. Acta Graeca, t. I. Vindobonae, 1860, стр. 263, 267 (ann. 1347), стр. 516, 523 (ann. 1370); t. II, Vindobonae, 1862, стр. 12, 15 (ann. 1380).

⁴² Там же, t. II, стр. 188—192.

⁴³ Н. И. Привалова. Древнерусские рукописи и старопечатные книги ... в г. Горьком. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 503.

гея в 1408 г.⁴⁴ Наконец, в договоре псковитян 1417 г. с Ливонским орде- ном послам великого князя удалось одержать крупную дипломатическую победу: Василий I назван здесь не только «великим королем Московским» (*der grote Konung von Moskowe*), но и «Русским царем» (*de Rusche Kayser*).⁴⁵ Мы видим, что начало княжения Василия I было благоприят- ным временем для развития идеи Русского царства. После разгрома Тохтамыша Тамерланом Золотая Орда на долгое время потеряла свой авторитет: с 1390 по 1408 г. Василий Дмитриевич не ездил в Орду и не платил дани, считая себя независимым. Только после нашествия Едигея пришлось опять заплатить дань и поехать в Орду в 1412 г.⁴⁶ Зависимость от Орды усилилась в княжение Василия II, что лишний раз подтверждает нам, что «Слово о житии» не могло быть написано в эту эпоху.

Патриотизм автора «Слова о житии» общерусский. Дмитрий Донской восхваляется как «царь Русьский», «всяя Руси царь», «царь Русьския земли». Подчеркивается его происхождение от Ивана Даниловича — «собрателя Русьской земли» и от «царя Владимира — нового Костянтина, крестившаго Русьскую землю».⁴⁷ Слава имени Дмитрия так же велика, как и «святаго и великаго князя Владимира», и разнесится от востока и до запада, от моря и до моря и до конца вселенной. Дмитрий выступил против Мамаю, «акы древний великий князь Ярослав Володимирович». Это подчеркивание родословной связи, восходящей к «царю» Владимиру и Ярославу Мудрому, отвечает тому широкому пониманию «Русской земли», включающей и Киев, которое мы отметили в те же годы в «Задон- щине» рязанского иерея Софония.⁴⁸

Перед битвой Дмитрий призывает «вся князи Русьския земли» и го- ворит им: «Лепо нам, братие, положить главы свои за правоверную веру христианскую», а князья и вельможи отвечают ему: «Господине рус- ский царю! Рекли есмя тебе живот положить, служа тебе, а ныне ради тебе кровь свою прольем и своею кровью второе крещение примем». Этот эпи- зод напоминает слова великого князя Мстислава II Изяславича, сказан- ные в Киеве в 1168 г.: «Братие, пожалуйтеся о Руской земли ... а лепо ны было, братье ... поискати отец своих и дед пути и чести» и от- вет братья-князей: «Бог ти, брате, помози ... а нам дай бог за крестьяны и за Рускую землю головы свои сложити и к мучеником причтенным быти».⁴⁹ Епифаний, вероятно, читал Ипатьевскую летопись и перенес киевскую традицию в события XIV в. Однако Епифаний даже несколько сужает значение древнего «царя» Владимира, говоря: «Похваляет ...

⁴⁴ «Боголюбивому и православному самодержцу великому князю Василью Дми- триевичу стол Руския хоругви держащу». А. А. Шахматов считает, что эта повесть вышла из канцелярии митрополита Фотия, около 1409 г. (А. А. Шахматов. Обще- русские летописные своды.— ЖМНП, 1900, сентябрь, стр. 168—172).

⁴⁵ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. V. СПб., 1892, прим. 202.

⁴⁶ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. IV, стр. 23—24.

⁴⁷ В «Слове о житии» Дмитрий восемь раз назван царем, и, кроме того, еще шесть раз к нему применяются варианты: «царский», «царство», «царствовах»; выражение «Русская земля» повторяется двадцать два раза.

⁴⁸ А. В. Соловьев. Автор Задонщины и его политические идеи.— ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 196.

⁴⁹ Летопись по Ипатскому списку, стр. 368 (под неточным 1170 г.). Можно было бы предположить влияние на Епифания известного зачала «Слова о полку Игореве»: «Не лепо ли ны башеть, братье» — и слов Игоря: «хощу главу свою приложити». Но это предположение излишне: в «Слове о житии» нигде больше не видно следов знакомства со «Словом о полку Игореве», и вообще все построение этого отрывка — воззвание Дмитрия и ответ князей — очень близко к указанному эпизоду Ипатьевской летописи; но, как всегда у Епифания, подбор слов почти целиком новый.

Вслодимера Киевская (земля) с окрестными грады; тебе же, великий князь Дмитрей Ивановичь, вся Русьская земля». В этом преувеличении власти «предоброго господина» чувствуется искренне пережитый восторг перед его личностью и перед величием еще раздробленной, но уже идущей к объединению Русской земли.

Такой общерусский патриотизм Епифания Премудрого не может мешать тому, что, ознакомившись ближе с московскими порядками, он мог быть иногда ими недоволен и высказал это в житиях Стефана Пермского и Сергия Радонежского: но это есть недовольство отдельными представителями власти, а не родиной. И заметим, что в том же Житии Стефана Пермского подчеркивается, что Стефан, родившийся в Устюге, был «родом Русин, от языка Словеньска», а в Житии Сергия рассказывается о победе над Мамаем, нашедшим «на Русскую землю». В обоих похвальных «словах» Сергию Епифаний пишет: в первом — «Сего бог прославил в Русской земли», а во втором называет его «похвала отчеству своему и Руси православные удобрение».⁵⁰

Заключение

Итак, мы полагаем, что ничто не мешает нам признать Епифания Премудрого автором «Слова о житии» Дмитрия Донского и считать, что оно было начато вскоре после смерти великого князя по живым, непосредственным впечатлениям, а закончено в 1393 или 1394 г., еще до написания «Слова о житии» Стефана Пермского. Епифаний за тридцать лет своей литературной деятельности написал всего шесть или семь произведений: он их, вероятно, вынашивал годами, откладывал и опять возвращался к ним, стараясь отделать их до совершенства. Он обращался за это время к самым разнообразным источникам или припоминал прочитанное. В «Слове о житии» Дмитрия Донского автор показал свое знакомство не только с церковной литературой, но и с лучшими произведениями киевской эпохи — со «Словом о законе и благодати» митрополита Илариона, с паримийным чтением о Борисе и Глебе, с Ипатьевской летописью, а кроме того, и с Житием Александра Невского и с московской летописью. За время пребывания на Афоне он ознакомился с сербскими житиями, особенно с Житием Стефана Немани, и с последней литературной новинкой — переводом творений псевдо-Дионисия Ареопагита, сделанным в 1371 г.⁵¹

В. П. Адрианова-Перетц прекрасно показала, что стилистические сходства со «Словом о житии» Дмитрия Донского находятся не только в «Слове о житии» Стефана Пермского, но и в других произведениях Епифания — в Житии Сергия Радонежского и в обоих похвальных «словах» Сергию. Мы постарались доказать, что «Слово о житии» было написано до этих произведений и что нельзя говорить о последователе Епифания, который подражал бы сразу четырем его произведениям, причем иногда лишь в немногих оборотах речи. Еще меньше можно предположить наличие анонимного предшественника, вернее современника или двойника Епифания, отличавшегося таким же талантом и стилем и той же начитанностью,

⁵⁰ Н. Тихонов. Древния жития преп. Сергия Радонежскаго, стр. 131, 155.

⁵¹ Е. Е. Голубинский правильно отметил влияние сербских житий на стиль Епифания (Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, 2-я половина, стр. 175), но к чести Епифания мы должны заметить, что он подражал не столько весьма риторичным житиям, написанным в XIV в. архиепископом Даниилом, сколько гораздо лучшему образцу — творению Стефана Первовенчанного.

которому Епифаний подражал бы затем в четырех своих произведениях в течение четверти века.

Остается сделать единственный вывод: этот таинственный двойник — сам Епифаний Премудрый и с этой точки зрения надо рассматривать и анализировать «Слово о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго» — самое блестящее произведение русской литературы конца XIV в.⁵²

⁵² После того как настоящая статья была написана в Женеве и уже послана в редакцию ТОДРА, в октябре 1959 г. в Кембридже нам удалось ознакомиться с курсом Н. В. Водовозова «История древней русской литературы. Учебное пособие для пединститутов» (М., 1958). Нам приятно видеть, что наши мысли встретились: на стр. 153—154 Н. В. Водовозов говорит, что «автором Слова о житии вполне мог быть наиболее выдающийся русский писатель конца XIV—начала XV века Епифаний Премудрый», и считает, что «Слово» было написано под непосредственным впечатлением смерти Дмитрия Дэнского, по поручению Сергия Радонежского. Впрочем, автор осторожно говорит, что «только литературоведческий анализ может решить вопрос об авторстве Епифания в отношении Слова о житии». Надеемся, что наш анализ поможет решить этот вопрос.